

Глава 2. Совершенная гармония

Его тело едва заметно отторгало душу.

Дух Су Ханьшэна то поднимался, будто возрождаясь, то тяжело проваливался обратно в Бесконечный ад. Сознание лишь на мгновения прояснялось, тут же снова впадая в мутную одурь, словно всё происходящее было нелепым сном.

Так было и в прошлой жизни.

До семнадцатого дня рождения десять великих академий прислали в секту Инсуй таблички зачисления, предлагая молодому владыке самому выбрать, в какой Академии совершенствоваться.

Неизвестно, какое заклинание наложил на него Ци Цзяньи, но Су Ханьшэн и правда задумал отказаться от Академии Вэньдао, занимающей первое место в рейтинге Гуаньтао, чтобы последовать за Ци Цзяньи в Академию Ханьшань, едва протиснувшись в первую тройку.

Для совершенствующихся даже небольшая разница в стадиях превращалась в непреодолимую пропасть.

А между Академией Вэньдао и Академией Ханьшань в рейтинге Гуаньтао зияла целая двухступенчатая пропасть, было ясно, кто из них сильнее.

Узнав об этом, Сюй Наньсянь в ярости примчался в секту Инсуй и решительно воспрепятствовал.

По природе своей Су Ханьшэн был упрям, а Сюй Наньсянь славился вспыльчивостью. Они бесконечно спорили, ругались до изнеможения, пока на них уже невозможно было смотреть.

Громогласные окрики Сюй Наньсяня, казалось, могли потрясти само небо:

— Ты хоть понимаешь, сколько людей за глаза смеются над тобой — за то, что бросаешь яшму, чтобы поднять гальку?! Эта развалюха, Академия Ханьшань, ровным счётом ничего собой не представляет. Как ей сравниться с Академией Вэньдао? Перед смертью Учитель велел мне о тебе позаботиться. Не испытывай моё терпение!

Су Ханьшэн оставался непроницаемым:

— Всё «Учитель» да «Учитель». Кроме Учителя у тебя и на языке никого нет. О своих учениках он заботился, а за закрытыми дверями был лицемерным праведником, мечтавшим собственному сыну горло перегрызть.

Сюй Наньсянь взорвался:

— Кто тебе такую чушь в голову вбил?!

— Никто, — мрачно отозвался Су Ханьшэн. — Я сам помню.

Сюй Наньсянь опешил:

— Ты помнишь? Ты же был совсем мелким, даже говорить толком не умел — что ты там мог запомнить?!

Су Ханьшэн уныло буркнул:

— Младенцы тоже всё запоминают.

От непрошибаемого упрямства Су Ханьшэна Сюй Наньсянь пришёл в такой яростный восторг, что плюнул и бросил напоследок:

— Ладно, ладно, ладно! Иди в какую хочешь Академию. Мне на тебя плевать, больше за тобой присматривать не стану!

Тогда Су Ханьшэн был ещё совсем молод, глаза чуть покраснели, но уступать он не собирался:

— Мне и не нужно, чтобы ты за мной присматривал.

Сюй Наньсянь в бешенстве развернулся и ушёл.

В конце концов Су Ханьшэн всё равно выбрал Академию Ханьшань.

В девятом месяце, на празднике Вэньдао, ученики десяти великих академий отправились в запретные земли на практику. По неизвестной причине демоны в человеческом облике пробрались внутрь и устроили резню, перебив множество праведных совершенствующихся.

...Среди погибших был и Сюй Наньсянь.

По словам чудом уцелевших, Сюй Наньсянь в одиночку углубился в запретные земли в поисках духовной травы, способной подавить «яд, цепляющийся к костям», и именно поэтому попал в смертельную ситуацию, откуда некому было его вытащить.

Сюй Наньсянь погиб, не оставив даже целого тела, с рассеянной душой и развеянным духом.

Он и правда больше никогда о нём «не заботился».

Секта Инской подобрала то, что осталось от его тела, и в спешке похоронила.

Су Ханьшэн, ничего не соображая, брёл под ливнем, чтобы проститься с Сюй Наньсянем. Ученики секты Инской, с заплаканными лицами, преградили ему путь, не желая, чтобы он видел гроб.

Но пышное дерево-спутник одним махом смахнуло всех в сторону, и Су Ханьшэн медленно подошёл к гробу, заглянул внутрь.

Одного взгляда оказалось достаточно, чтобы в его сердце поселился демон, не отпускавший до конца жизни.

Тело было так изуродовано...

Он даже не мог разглядеть в нём Сюй Наньсяня.

Зелёное дерево-спутник в тот же миг высохло, превратившись в сухие ветви и опавшие листья.

В кошмаре злобная ци клубилась чёрно-красным туманом, превращаясь в безголовых призраков; их оторванные конечности, словно демоны, цеплялись к духу Су Ханьшэна, а злобные шёпоты со всех сторон лезли в уши.

«Четвёртый старший брат умер страшной смертью — как ты можешь так спокойно жить? Пойдём, умрём вместе».

«Проклятая звезда, погубившая родную мать и навлекшая смерть на старшего брата».

«Достоин казни».

Свирепые призраки толпами набрасывались, утаскивая тело Су Ханьшэна вниз, дюйм за дюймом, будто вновь стаскивая его в лишённый солнца Бесконечный ад.

— Старший брат!..

Су Ханьшэн дёрнулся и проснулся.

Плотные тёмные пологи над кроватью не пропускали солнечный свет, словно он всё ещё находился в том беспросветном Бесконечном аду.

Сердце бешено колотилось, словно барабан. Су Ханьшэн ещё не успел выйти из потрясения, сознание металось, он не мог отличить сон от яви.

— Старший брат... Старший брат мёртв.

Распущенные чёрные волосы и одежда Су Ханьшэна были в беспорядке. В этом душевном хаосе он забился в угол, поджав колени, и вгрызся зубами в согнутый указательный палец, расширенным взглядом уставившись в пустоту:

— Это я убил старшего брата...

Прокушенный, указательный палец кровоточил, рот заполнился металлическим привкусом.

Чёрно-красная зловредная ци из сна не отставала, как тень, обретя форму бесчисленных безголовых призраков, охваченных костяным пламенем. Они теснились на узкой, тёмной кровати.

— Нашли недостающие останки Сюй Наньсяня?

— Он отдал жизнь, чтобы подавить твой «яд, цепляющийся к костям», но в твоём теле и близко нет никакого яда.

— Ха-ха-ха, жалкий, жалкий Сюй Наньсянь.

Су Ханьшэн, с лицом, измазанным слезами, зажал уши, почти обезумев от этих ядовитых шепотов, и сорвался на истеричный крик:

— Замолчите! Замолчите...!

Безголовые призраки разразились хохотом.

В этом бреду Су Ханьшэн, не разбирая дороги, свалился с кровати, ударился коленом о скамеечку. Острая боль внезапно отрезвила его, и зрачки прояснились.

С сухим свистом воздух разрежало что-то стремительное, и поток, ворвавшийся в комнату, в один миг развеял окруживших его безголовых призраков.

Су Ханьшэн недоумённо просидел так какое-то время, затем растерянно поднял голову.

Снаружи кто-то орудовал копьём?

Этот вроде бы незнакомый, но до боли знакомый голос тянул за собой тонкую нить, по которой Су Ханьшэн, пошатываясь, выбрался из-под тяжёлых пологов и, шатаясь, побрёл из внутренней комнаты.

Он только что снова вселился в это тело, его дух ещё не успел закрепиться, шаги были слабыми и неуверенными. Пройдя пару шагов, он едва не плюхнулся лицом на пол.

Снаружи на востоке всходило солнце.

Уже наступило пятнадцатое число восьмого месяца — день перед семнадцатым днём рождения Су Ханьшэна.

На лице Су Ханьшэна больше не было прежней растерянности. В полном недоумении он толкнул дверь.

В Саду Ханьман дерево-спутник наполовину высохло: половина узких листьев, ещё недавно густо-зелёных, пожелтела, и теперь, стоило подуть ветру, опавшие листья сыпались вниз.

Сюй Наньсянь, в чёрных одеждах, отрабатывал копейные приёмы во дворе.

Тяжёлое чёрное копьё с кисточкой в его руках словно не весило ничего. Наконечник мигал звёздным светом, а каждое движение поднимало вихрь из сухих листьев, закручивая их в воздухе.

Су Ханьшэн застыл, как громом поражённый.

Сюй Наньсянь занимался уже с полчаса. Краем глаза заметив Су Ханьшэна, тот приподнял бровь. Вместо того чтобы остановиться, он резко шагнул вперёд, лёгкий и стремительный, словно порыв ветра, и мгновенно оказался прямо перед ним.

Воздух «звеня» расслоился.

Острие копья Сюй Наньсяня упёрлось Су Ханьшэну точно в лоб.

Су Ханьшэн неподвижно смотрел на него, даже не пытаясь увернуться.

Лицо молодого человека было открытым и отважным; в чертах — лихая, дерзкая молодецкая удаль. Сюй Наньсянь стоял, держа копьё одной рукой, и его осанка напоминала одиноко растущую сосну.

— Чего не увернулся? Засмотрелся?

Су Ханьшэн долго, неподвижно глядя на него, выдохнул:

— Старший брат?

— А? — Сюй Наньсянь, найдя подобное зрелище скучным, чистым движением убрал копьё. Похоже, гнев, бушевавший в нём вчера, в бою выгорел и утих. Лениво бросил: — Наконец одумался и готов извиниться перед старшим братом?

Сказал он это совсем в шутку — в глубине души Сюй Наньсянь лучше всех понимал, что ждать, пока этот упрямый сопляк, Су Ханьшэн, признает свою неправоту, всё равно что верить, что солнце взойдёт на западе, а вода из Красной реки потечёт вспять — полная чушь.

Сюй Наньсянь приготовился к очередной перепалке, но увидел, как Су Ханьшэн будто просыпается от сна, делает глубокий, очень глубокий вдох, и в конце голос дрожит, как если бы он с трудом сдерживал себя.

Тот опустил ресницы, в голос впервые за долгое время проскользнула мягкость, и если прислушаться внимательнее, в этой мягкости слышалось неуловимое дрожащее эхо.

— Ты всё правильно сказал, старший брат. Ханьшэн неправ.

Сюй Наньсянь: ...

Копьё, с которым он до этого беззаботно играл, едва не вылетело у него из рук. Какое-то время он стоял, как громом поражённый, а затем, не стесняясь, выдал:

— В тебя, что ли, демон вселился?

Су Ханьшэн: ...

Су Ханьшэн стоял на солнце, подняв голову к Сюй Наньсяню. Его лицо, которому редко доставался дневной свет, было болезненно бледным; кожа на снегово-белой щеке напоминала обожжённую рисовую бумагу, с выжженным в центре уродливым пятном.

«Кость Феникса» словно боялась света — стоило показаться на солнце, она неизменно травмировалась.

Сюй Наньсянь давно к этому привык. Мгновенно подхватив его, он отвёл Су Ханьшэна под навес и духовной силой залечил ожоги.

Су Ханьшэн и не думал сопротивляться, давая Сюй Наньсяню возиться с собой. Кожа,

сожжённая солнечным светом, тихо ныли, и в этой тупой боли он неожиданно чувствовал головокружительное счастье.

Боль — это хорошо.

Если болит, значит, он не во сне.

Сюй Наньсянь никогда ещё не видел Су Ханьшэна таким послушным. Убедившись, что раны под действием духовной силы вновь стали белыми и гладкими, как фарфор, он щёлкнул его по лбу и приподнял бровь:

— Теперь всегда будешь слушаться старшего брата?

Лоб тут же покраснел, но Су Ханьшэн широко улыбнулся:

— Буду!

Сюй Наньсянь фыркнул:

— А если я скажу, чтобы ты пошёл в Академию Вэньдао?

И тут же пожалел о сказанном.

Сюй Наньсянь был упрям и вспыльчив. Вчера, ранив Ци Цзяньи, а потом увидев, как тот разозлил Су Ханьшэна, он и сам испытывал чувство вины, но первым идти на примирение гордость не позволяла, вот он и тянул до сих пор.

Но увидев, как ласково к нему относится Су Ханьшэн, Сюй Наньсянь незаметно выдохнул с облегчением.

Он не посмел дальше давить, уже ломал голову, как бы сгладить резкость сказанного, когда услышал, как Су Ханьшэн без малейшего сопротивления, напротив — с явной радостью ответил:

— Конечно! Куда бы ни велел старший брат — туда и пойду!

Сюй Наньсянь очень долго смотрел на него, словно на чудо.

Странно. Не иначе демон всё-таки вселился?

В этот момент из-за пределов Сада Ханьман прилетела вестница-сорока, привычно опустилась ему на предплечье и человеческим голосом передала весть.

— Старший Се просит почтенного старейшину в главный зал, встречать почётного гостя.

— Кто прибыл?

— Кажется, совершенствующийся-буддист с горы Сумеру. Слышала, как звучит санскритское пение.

Сюй Наньсянь кивнул, щёлкнул рукой, и сорока вспорхнула. Затем он обернулся:

— Я в главный зал. Твоё дерево-спутник ведёт себя странно, духовной силой лишний раз не пользуйся. Вернись — позову лекаря, пусть тебя осмотрит.

Су Ханьшэн покорно ответил:

— Хорошо, как скажет старший брат.

Сюй Наньсянь, небрежно потрепав его по волосам, повернулся, чтобы уйти.

Пройдя несколько шагов, он всё же раздражённо обернулся:

— Академию пока не выбирай. Попробуешь за моей спиной тайком расписаться на табличке Академии Ханьшань — вернись, восемь раз тебя отлуплю.

Сказав это, он тут же в глубине души пожалел о жёстком тоне.

Но Су Ханьшэн несколько не обиделся; напротив, в угрозе Сюй Наньсяня он находил странное, почти сладкое удовольствие. Он подбежал к границе света и тени, высунулся, как ребёнок:

— Хорошо, буду ждать, когда старший брат вернётся.

Сюй Наньсянь чуть замялся, а потом всё же быстро ушёл, по дороге в сотый раз задаваясь вопросом, с чего это мелкий так внезапно стал послушным.

Притворяется?

Су Ханьшэн проводил Сюй Наньсяня взглядом, пока тот не исчез за пределами Сада Ханьман, и послушное выражение лица медленно сползло.

Кровавый праздник Вэньдао предыдущей жизни стоял перед ним, как на ладони. Раз уж небеса дали ему второй шанс, он никогда больше не позволит Сюй Наньсяню попасть в ту смертельную ловушку.

Слышно было только монотонное «шур-шур-шур» — листья терлись друг о друга. Этот звук раздражал. Су Ханьшэн холодно, янтарными глазами взглянул на дрожащее дерево-спутник посреди двора.

Громадное дерево за одну ночь само выдернуло сложные корни и, дрожа от ужаса, пересадило себя в дальний угол Сада Ханьман. Узкие листья с золотыми прожилками поблёскивали кровавым светом.

Казалось, оно боялось Су Ханьшэна.

Тот усмехнулся, вполголоса выругавшись:

— Дурак.

Дерево-спутник задрожало ещё сильнее.

Су Ханьшэн приставил к плечу зонтик и подошёл ближе. Ладонь легла на ствол, духовная сила потекла из его тела в дерево. Ещё недавно пышная крона будто оказалась у него на ладони; за одно мгновение в ней иссякла жизненная сила, и узкие листья разом побурели.

Лёгкий ветерок прошёл по саду, и бесчисленные сухие листья, словно странный снег, лавиной посыпались вниз.

Листопад стал бешеным.

Дерево-спутник без единого звука превратилось в переплетение чёрных сухих лоз и ветвей. Эти цепкие сухие сучья мягко легли Су Ханьшэну на плечи, словно обнимая и укрывая его.

Су Ханьшэн стоял в вихре опадающих листьев, поднимая над собой зонтик. Лицо было бледным, губы ярко-красными — как у кровожадного духа.

— Ступай в книжное хранилище секты Инсюй, найди «Записи Куньюй». Посмотри, есть ли среди демонов кто-нибудь по имени Чунцзюэ.

Корни дерева-спутника, повинуясь приказу Су Ханьшэна, с жадностью во все стороны поползли под землю, занимая и мягкий грунт, и твёрдую каменную породу, в одно мгновение распространившись под всей территорией секты Инсюй.

Под гладкой поверхностью земли корни разошлись, как подводные течения под спокойным морем.

Су Ханьшэн вернулся в комнату.

Мёртвые ветви, послушные, как руки слуг, перевесили зонтик под навесом. Проливающийся сверху каскадный свет отбрасывал на окна ажурные бамбуковые тени от зонтика, как изящный рисунок на тонкой бумаге.

На маленьком столике у кровати стояла глазурованная лампа с узором лотоса, рядом — недоигранная партия в го.

Су Ханьшэн долго напрягал память, и лишь потом вспомнил, что это глазурованная лампа — вчерашний подарок Ци Цзяньи к его дню рождения.

Ци Цзяньи...

Стоило этому имени всплыть, как в груди Су Ханьшэна неожиданно вспыхнуло неудержимое, жгучее чувство.

Это был не ненависть, а какая-то безосновательная, острая тяга, похожая на зависимость.

Су Ханьшэн приподнял широкий рукав и слегка коснулся кончиками пальцев запястья. На коже выступил ярко-красный узор в виде снежинки.

Это был брачный договор, заключённый его отцом, Су Сюаньлинем, с сектой Ханьшань ещё в его детстве. Договор назывался «Хунъань» — «Совершенная гармония».

До семнадцати лет Су Ханьшэн почти не покидал Сада Ханьман. Зависимость, рождённая брачным договором, он принял за любовь, и именно так позволил Ци Цзяньи увести себя по дороге, с которой не было возврата.

В прошлой жизни Ци Цзяньи отнял у него реликвию Су Сюаньлиня — «Горчичное зерно Сумеру» — и хотел разорвать договор «Хунъань». Но этот брачный контракт был слишком властным: разорвать духовную связь можно было только в одном случае — если один из двоих умрёт.

...Поэтому Ци Цзяньи и торопился столкнуть его в Бесконечный ад.

Оказавшись в Бесконечном аду и будучи отвергнутым Небесным Дао, «Хунъань» сама собой рассеется.

Су Ханьшэн всё ещё проводил пальцем по знаку «Хунъань» на запястье, когда корни дерева-спутника уже незаметно втянулись обратно. Ветки выдвинулись вперёд и мягко обвилились вокруг его талии.

— Ну как?

Тонкие, белые, как сахарная вата «драконья борода», усики выстроились на доске в строку, складываясь в слова.

«Среди демонов нет существа по имени Чунцзюэ».

«Записи Куньюй» описывали жизни бесчисленных людей под небесами — там отмечали даже обычных торговцев и мелких коробейников. Если бы Чунцзюэ был демоном, пропустить его было бы невозможно.

Су Ханьшэн чуть приподнял бровь, с интересом:

— Не демон?

Как такое возможно, чтобы Чунцзюэ, тот, кто разрушает небеса и ниспровергает Будд, эта врождённая дикая напасть, оказался не из демонов?

Су Ханьшэн уже собирался приказать дереву-спутнику ещё раз проверить записи демонических родов, как в комнату, нахмурившись, с лекарством в руках вошёл Чанкун:

— Молодой владыка, снаружи... А?! Почему у дерева-спутника вся листва облетела?!

Су Ханьшэн не ответил, лениво спросил:

— Что там снаружи?

Чанкун решил, что всё это последствия ночного переполоха, и глубже вдаваться не стал, лишь сжал губы:

— Прибыл молодой господин Ци из секты Ханьшань.

Секта Ханьшань давно пожирала глазами реликвии Бессмертного Владыки, что остались у Су Ханьшэна. Если выманить его на свою территорию, заполучить желаемое будет куда проще.

Вчера Су Ханьшэн уже почти выбрал Академию Ханьшань, но Сюй Наньсянь всё разрушил. Разве Ци Цзянь так легко смирится с тем, что утка, уже почти попавшая в рот, снова улетела?

Рука Су Ханьшэна на миг застыла, затем он негромко усмехнулся. Подперев подбородок, левой рукой он взял чёрный камешек в го и небрежно бросил его на доску.

Камень несколько раз перевернулся, прежде чем упасть на место, мгновенно ломая прежний застой в партии.

— Прекрасно, — улыбнулся Су Ханьшэн. — Пригласи молодого господина Ци, побеседуем.

<http://bllate.org/book/14988/1505928>